

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Проблематика историко-
антропологических исследований на
европейском материале

Книга: Историческая антропология

Лекция: Проблематика историко-антропологических исследований на европейском материале

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель: на основе анализе европейских исследований выявить магистральные направления и круг изучаемых проблем современной исторической антропологии.

Михаил Кром, автор российского учебника по «Исторической антропологии» со ссылкой на таких мэтров этой дисциплины, как Андре Бюргер, Жак Ле Гофф, Арон Гуевич, неоднократно подчеркивавших, что у этого направления нет своего особого исследовательского “поля”, своей отдельной проблематики и специальных тем, представил в систематизированном виде главные траектории разнообразных по своей сути историко-антропологических исследований.

Российский историк выделил несколько проблемных областей, в которых историко-антропологический подход в последние десятилетия оказался особенно плодотворным. В качестве “гида” по этим тематическим направлениям внутри исторической антропологии он избрал статью Андре Бюргера, опубликованную в 1986 г. в “Словаре исторических наук”.

3. В своей статье Бюргер называет следующие “принципиальные направления” исторической антропологии:

1. материальная и биологическая антропология, касающаяся истории тела, восприятия жизни и смерти, сексуальных отношений и т.д.;
2. экономическая антропология, изучающая “экономические привычки”, формируемые зачастую под воздействием факторов не экономического порядка, в частности, социальных, моральных, религиозных.
3. социальная антропология, в центре внимания которой находятся семейные и родственные структуры;
4. культурная и политическая антропология: в этой рубрике Бюргер объединяет изучение народных верований и обрядов, с одной стороны, и антропологический подход к истории власти – с другой.

Однако, комментирует Кром, «такое объединение кажется искусственным: каждое из этих двух направлений настолько важно, что заслуживает отдельного рассмотрения». «Физическая антропология» - это название, на взгляд российского историка, лучше всего передает смысл того, что Бюргер обозначил как “материальную и биологическую антропологию”, и представляет собой сегодня постоянно расширяющееся поле исторических исследований.

Проблематика тем, рассматриваемых в рамках физической антропологии, предполагает активный диалог историков не только с представителями гуманитарных наук, в частности с психологией, этнологией, но и с естественными науками, прежде всего, с биологией и медициной. К этой сфере относятся история питания, история болезней и т.д. Предмет изучения - рацион питания, изменение антропометрических показателей, и в первую очередь, динамика роста, а также лечебная теория и практика в разные эпохи. И нельзя забывать, что все эти проблемы имеют как биологические, так и социально-исторические аспекты.

На основе обзора литературы выявлено, что центральное положение в этом разделе исторической антропологии занимает “история тела”, которая за последнее время имеет тенденцию к обособлению в качестве самостоятельной дисциплины. Что именно интересовало историков? Конечно же, в первую очередь то, как люди воспринимали и как они использовали свое тело в те или иные эпохи.

Предметом изучения стали жесты, позы, застольные манеры, модели сексуального поведения. Авторы многих исследований Ж.-К.Шмитт, Роберт Мюшембле изучая многообразие жестов, выяснили, что в целом ряде светских и религиозных церемоний они заменяют собой слова, маркируют поведение высших и низших слоев населения, разных половозрастных групп.

Еще одной важной проблемой исторической антропологии, активно обсуждавшейся в последние десятилетия, явилось также отношение человека к смерти. Как воспринималась смерть европейцами в разные века – это тема многочисленных исследований Ф.Арьеса, М.Вовеля, Ж. Ле Гоффа, Ж.-К.Шмитта, А.Я.Гуевича и др.

Следующее направления - экономическая антропология - фокусирует внимание на мотивах экономического поведения людей в прошлом. На формирование этого направления исторических исследований большое влияние оказал и продолжает оказывать знаменитый “Очерк о даре” Марселя Мосса, показавшего универсальное значение обмена дарами в архаических обществах. Его последователем был известный историк традиционных экономик Карл ПолАньи.

Американский и канадский экономист венгерского происхождения - Карл Пауль ПолАньи известен также как антрополог, социолог и политический философ, один из основоположников экономической антропологии. В своей книге «Экономика как институционально оформленный процесс» 1957 года

выделяет три стадии отношений обмена:

- реципроктность, или взаимный обмен на натуральной основе;
- редистрибуцию как развитую систему перераспределения;
- товарообмен, лежащий в основе рыночной экономики.

В своей книге «Великая трансформация» 1944 года Поланьи утверждает, что саморегулирующийся рынок не может функционировать без рыночных механизмов, которые не могут возникнуть из саморегулирующегося рынка. По его мнению, идея возникновения рыночных механизмов из природы человека является утопичной, поскольку разделение труда обусловлено различиями, заданными полом, географией и индивидуальными способностями. Точку зрения о склонности человека к торгу и обмену считал также сомнительной и недостоверной. Придерживался позиции того, что внутренняя торговля возникла благодаря вмешательству государства. Принципы поведения человека институционализируются не с помощью экономики, а с помощью социальной организации.

Становлению экономической антропологии также содействовали труды таких этнологов как Маршалл Салинза в США, Морис ГодельЕ во Франции и т.д.

По мнению Михаила Крома, «главный урок, который извлекли для себя исследователи экономической истории из работ М. Мосса и других этнологов, заключается в том, что к пониманию хозяйственных отношений в традиционных обществах нельзя подходить с мерками “классического капитализма” в духе теории Адама Смита». Согласно анализу автора курса, «это не были безличные сделки купли-продажи, зависящие от игры спроса и предложения на рынке, и самое главное их участники не были нацелены только на извлечение прибыли. Напротив, для них важны были соображения престижа, религии, морали. И любые хозяйственные операции непременно приобретали личностный характер». И в целом, в архаическом обществе богатство вообще имело не вещественную, а символическую природу. Эта мысль прекрасно доказана Ароном Гуревичем на древнескандинавском материале. В работе «Категории средневековой культуры» он показывает, что сокровище понималось как воплощение удачи его хозяина и потому обречалось на вечное хранение, в виде клада, в недоступном месте.

Исходя из концепции Марселя Мосса предполагалось, что рынок со временем вытеснит систему дара и одаривания, анализирует М. Кром. Но вопреки этому предположению современные исследователи делают заключение, что рыночные отношения прекрасно уживаются и переплетаются с традиционным обменом дарами. Это видно из приведенного примера работы Натали Дэвис о Франции периода XVI в., где она показала, как дар служил для скрепления сделок, в дополнение к заработной плате, ренте и т.д. Или же другой пример, книга Джованни Леви, «рынок земли в пьемонтской деревне XVII в., на поверку оказывается не вполне “рынком”, так как все земельные сделки напрямую зависели от отношений их участников»- констатирует автор учебника М. Кром.

Следующее направление в рамках историко-экономической антропологии фокусировалось на проблеме изучения разных типов рациональности хозяйственной деятельности в прошлом. Кром пишет, что «большой вклад в изучение этой проблемы внес выдающийся польский историк Витольд Кула.

В книге “Экономическая теория феодального строя” (1962) Витольд Кула показал, что хозяйственный расчет в эпоху средневековья не тождествен капиталистической калькуляции, и то, что было бы убыточным при капитализме, оказывается вполне прибыльным в каком-нибудь фольварке XVI – XVII вв. Элементы традиционализма и рациональности, подчеркивал ученый, присутствуют всегда, в любой экономике, но их конкретное соотношение меняется от эпохи к эпохе.

Таким образом, делается вывод, что рациональное экономическое поведение сугубо исторично. По мнению Кулы, «тот французский крестьянин, который на предложение зоотехника продать его шесть коров и взамен купить трех племенных очень рационально рассуждает, отвечая, что, «будь у него всего три коровы, он не смог бы женить сына на дочери зажиточного соседа, с которой тот обручен, так как приданое невестки значило для его хозяйства неизмеримо больше, чем возможный доход от трех племенных коров».

Следует понимать, что параметры рациональности существенно опираются на базисные социокультурные ресурсы. Черты той или иной эпохи оказываются сложным результирующим феноменом многих факторов. Признание множества и своеобразия возможных форм, зависимость от социально-исторического контекста эпохи дают нам в целом расширенное понимание рациональности, .

В трактовке Андре Бюргера основным предметом социальной антропологии выступает изучение семейно-родственных связей; при этом отмечается большое влияние на эту область исторических исследований «структурной антропологии» Клода Леви-Строса.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Проблематика историко-антропологических исследований на европейском материале

Автор лекции: Алия Масалимова

В качестве примеров подобных работ Бюрджер приводит книги Жорж Дюби о районе Маконнэ XI-XII веков. Э. Ле Руа Ладюри о крестьянах Лангедока и об известной нам уже деревне Монтайю, Дэвида Херлихи и Кристиана Клапиша о тосканских семьях в XV веке и т. д.

Однако, на взгляд российского историка М. Крома, выделять социальную антропологию как особое направление внутри исторической антропологии, тоже не бесспорно. И поскольку многие исследователи вполне обоснованно считают историческую антропологию частью или разновидностью социальной истории, то имело бы смысл понимать ее более широко, как изучение микросообществ, основанных на родственных или соседских связях. И в этом случае наряду с перечисленными А. Бюрджером работами французских исследователей здесь уместно назвать, к примеру, труды английских специалистов по локальной истории или итальянских микроисториков, в частности, книгу Дж. Леви.

В последние десятилетия, по мнению М. Крома, обширным полем исследования является история народной культуры, понимаемая антропологически. А именно как «система разделяемых всеми значений, отношений и ценностей, а также символических форм, в которых они выражаются или воплощаются». Для сравнения он дает ссылку на то, как интерпретируется у Карло Гинзбурга: «термин «культура» применительно к комплексу взглядов, верований, жизнеповеденческих принципов, присущих угнетенным классам в определенный исторический период, вошел в употребление сравнительно недавно, будучи заимствован у культурной антропологии».

Разумеется, при столь широком подходе, верования - это также один из аспектов народной культуры, а поскольку народная культура в особенности в прошлые века отличалась сильной религиозностью, то данное направление неразрывно связано с религиозной антропологией, т. е. с изучением субъективного аспекта веры, народной религиозности.

Изучение этого направления выявило, что исследователи этой проблематики прибегают к характерному приему противопоставления культуры низов, культуры необразованных «простецов». «простаков», культуре верхов, которые по умолчанию претендуют на ученость. Здесь, с точки зрения российского ученого, усматривается несомненное влияние марксизма и, в частности, концепции А. Грамши о наличии двух культур в классовом обществе. На передний план выходит проблема взаимосвязи между этими двумя культурами. И наглядными примерами такого взаимодействия народной культуры и ученой культуры выступают истории в книгах К. Гинзбурга о мельнике-философе Меноккио и Н. З. Дэвис о Франции XVI века.

Такая оппозиция довольно часто встречается при изучении народной религиозности. Предметом исследования становятся сопоставления церковных догматов, взгляды богословов и прелатов и очень своеобразных представлений о священных предметах, возникавшие у простых людей. Наглядным примером такой религиозной антропологии служит книга Жака-Клода Шмитта «Святая борзая: Гинефор, целитель детей (начиная с XIII века)».

В основе сюжета, послужившего материалом для исследования французским историком, был рассказ, впервые пересказанный доминиканцем Этьенном де Бурбоном в середине XIII века. Повествование о том, как крестьяне Лионской епархии почитали борзого пса как святого, который, по легенде, спас младенца от огромного змея, но по недоразумению был убит хозяином-рыцарем. Доказательством почитания являлись примеры того, как матери приносили на могилу пса своих больных детей и обращались к нему с молитвами.

Разумеется, официальная церковь запрещала этот культ, но и в 70-е годы XIX века крестьяне данной области, согласно записям фольклористов, продолжали все еще почитать «св. Гинефора» - борзого пса. Автор книги о Гинефоре Жак-Клод Шмитт видит в этой удивительной истории столкновение двух культур: крестьянской (фольклорной) и клерикальной, ортодоксальной, причем вторая на протяжении многих веков безуспешно пыталась подавить первую. В данном примере отношение официальной религии и народных верований выглядит как противостояние.

В отличие от этой работы, опубликованная книга К. Гинзбурга «Ночная история. Истолкование шабаша», возникновение мифа о шабаше ведьм объясняет как результат взаимодействия, взаимовлияния двух традиций, ученой и фольклорной. В центре внимания Карло Гинзбурга - проблема соотношения «ученой» и народной культурных традиций XVI в. Первая традиция обусловлена верой в существование дьявольской секты, вторая - держится на вере в способность некоторых людей совершать, находясь в экстатическом состоянии, путешествия в мир мертвых.

Подробное изложение проблемы, как уже было сказано, содержится в книге «Ночные истории. Истолкование шабаша», но впервые его идеи были опубликованы в статье в журнале «Анналы» в 1984 г.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Проблематика историко-антропологических исследований на европейском материале

Автор лекции: Алия Масалимова

Итак, Гинзбург пишет: «Колдовство в Европе как тема исторических исследований, некогда считавшаяся второстепенной и даже несерьезной, за последние 15 лет заняла видное место в мировой исторической литературе. Однако среди множества работ, посвященных этому вопросу, изучению шабаша (ночного собрания ведьм и колдунов) отведено сравнительно скромное место, несмотря на то что в истории колдовства и борьбы с ним образ шабаша исключительно важен».

Наиболее ярким исследованием в этой области, по мнению итальянского историка, является книга Н. Кона «Тайные демоны Европы» (выпущенная в 1975г.), основная идея которой может быть сведена к двум следующим положениям: 1) сложившийся в течение первых десятилетий XV в. образ шабаша явился вариантом древнего агрессивного стереотипа, который уже возникал в прошлом по отношению к евреям, первым христианам и средневековым еретикам; на исходе средневековья он был реанимирован инквизиторами, светскими и церковными демонологами; 2) этот образ не имеет ничего общего с какими-либо действительно существовавшими обрядами: ночные собрания, описание которых в судебных процессах и демонологических трактатах сопровождается массой ужасающих и живописных подробностей, секта участвующих в этих собраниях ведьм и колдунов порождены исключительно наваждениями и страхами самих судей и инквизиторов.

Второй пункт возникает в результате полемики с положениями работы Маргарет Мэррей «Культ ведьм в Западной Европе» (изданной еще в 1921г.). «Что же касается тезиса о древнем стереотипе, - отмечает Гинзбург, то он представляется мне неприемлемым, прежде всего, потому, что предполагает статичность такового, тогда как стереотипу свойственно меняться вследствие проникновения в него различных элементов как фольклорного, так и «ученого» происхождения. В образе шабаша следует видеть скорее компромисс культур, чем простую проекцию доминирующей культуры».

И, наконец, как результат применения антропологического подхода к изучению отношений власти и подчинения возникло такое направление, как политическая антропология. С 60-х годов сам этот термин повсеместно стал использоваться этнологами, изучавшими политическую организацию архаических обществ, но к 1971 году, с легкой руки Жака Ле Гоффа заговорили о благотворном влиянии этого направления антропологии на изучение политической истории.

Позднее, в 80-е годы, Ле Гофф стал очень активно использовать термин «политическая историческая (или историко-политическая) антропология» для обозначения направления исторических исследований.

Процесс создания современной политической исторической антропологии связывают с Марком Блоком, автором книги «Короли-чудотворцы» (1924). По оценке экспертов эта книга может служить образцом для изучения символической природы власти.

Другой классический труд на близкую тему, оцененный по достоинству лишь недавно, отмечает Михаил Кром, это произведение Эрнста Канторовича «Два тела короля. Очерк средневековой политической теологии» 1957 года издания.

Сравнительный анализ показывает, если М. Блока интересовали представления населения о чудесных способностях их монархов, то Э. Канторович рассматривал трактаты юристов и сочинения богословов, в которых нашла отражение та же потребность - осмыслить двойственную природу короля, в котором воплощены и образ смертного человека, и бессмертная идея верховной власти.

Автор учебного пособия обозначил два важнейших аспекта современного изучения феномена власти. 1) Каковы были представления подданных о власти монарха? и 2) Как сама эта власть являла себя подданным в ритуалах и церемониях.

Таким образом, делается вывод, о смене акцентов с традиционного для политической истории исследования институтов власти на изучение их функционирования в определенном историко-культурном контексте. Историков интересуют церемонии коронации, королевские выезды в города, традиционные ритуалы и изобретение новых.

В заключение этой лекции отмечу, что изучение политических отношений не ограничивалось символическим аспектом власти. Важными аспектами нужно считать и исследования повседневности, рутины управления, а также распределения власти на разных «этажах» общества.

В 80-90-е годы особый интерес у историков вызвали проблемы патроната и клиентелы, посредничества во власти, неформальных отношений, дополнявших деятельность весьма несовершенных официальных структур.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Проблематика историко-антропологических исследований на европейском материале

Автор лекции: Алия Масалимова

Основные термины

Физическая антропология, культурная и политическая антропология, истории власти, экономическая антропология, типы рациональности.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь/ Отв. ред. А. О. Чубарьян - М.: Аквилон, 2014.-76 с. -(Образы истории: изд. с 2004 г. / Отв. ред. серии Л. П. Репина)
2. Бюргер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л.Бессмертного. Кн.1. М., 2003.
3. Михель Д.В. Власть, знание и мертвое тело: историко-антропологический анализ атомических практик на Западе в эпоху ранней современности // Логос. 2003. № 4-5 (39).
4. Чеканцева З.А. Европейская история XIX века в свете исторической антропологии // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. Отв. ред. М.С. Бобкова. М., 2005